

Для цитирования: Экономика региона. — 2016. — Т. 12, Вып. 1. — С. 9-27
doi 10.17059/2016-1-1
УДК 332.1

А. И. Татаркин

Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация)

РЕГИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТИТУТА ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОБУСТРОЙСТВА ТЕРРИТОРИЙ¹

«Нужно взирать на состояния и обстоятельства каждого сообщества, как на положение земель, пространство областей и состояние народа».

В. Н. Татищев²

В статье поставлена задача оценить состояние российской экономики в условиях снижения цен на энергоносители и «обмена санкциями» и определить приоритетные направления экономической политики Российской Федерации как универсального института, способного поддерживать устойчивость и системность развития. Оптимизацией межбюджетных отношений «муниципалитет — регион — федеральный центр» предложено инициировать процесс обеспечения пространственного обустройства российских территорий посредством вовлечения в процессы развития региональные и муниципальные возможности. Всем российским гражданам рекомендуется строже и ответственнее относиться к Конституции как к Основному Закону, поддержанному населением и определяющему стратегические приоритеты развития страны на долгосрочную перспективу. Обоснована методология оптимизации межбюджетных отношений между Федерацией, ее субъектами и муниципалитетами посредством научно обоснованного разграничения полномочий и ответственности каждого уровня за социально-экономические результаты работы. С привлечением специалистов и общественности предложено разрабатывать национальный план социально-экономического и общественного развития, главными приоритетами которого должны стать повышение качества и результативности государственного управления и пространственного обустройства российских территорий. Обоснованы механизмы и институты подключения регионов и территорий к реализации национального плана. Предложенные в работе выводы и рекомендации могут быть использованы федеральными органами власти при разработке и принятии законов и других нормативных актов по распределению полномочий и оптимизации бюджетного процесса. Региональными и муниципальными органами — при планировании и проектировании пространственного обустройства территорий.

Ключевые слова: экономическая политика, приоритеты экономической политики, Конституция РФ, методологическая основа экономической политики, национальный план общественного развития РФ, национальный план по пространственному обустройству российских территорий

Есть ли у российского общества заинтересованность в научно обоснованной и социально ориентированной экономической политике?

Социально-экономическое и общественное развитие Российской Федерации со второй

половины 2014 г. оказалось под воздействием целого ряда внутренних и внешних процессов, негативно повлиявших на устойчивость экономики и качество жизни российского населения. Заметное ухудшение макроэкономических показателей из-за резкого снижения мировых цен на нефть и нефтепродукты, введение против России международных санкций и дополнительные нагрузки на бюджет в связи с присоединением Крыма и событиями в Украине, серьезно обострили внутренние про-

¹ © Татаркин А. И. Текст. 2016.

² Татищев В. Н. История российская с самых древних времен // Антология мировой политической мысли : в 5-ти т. Т. 3. М.: Мысль, 1997.

блемы российского общества. Среди них наиболее волнующими население стали затянувшаяся безучастность руководства страны к предложениям по ряду проблем:

- активной реструктуризации экономики;
- переводу ее на интенсивные (инновационные) источники развития для обеспечения системной реиндустриализации, повышения качества и результативности государственного регулирования социально-экономических и общественных процессов, пространственного обустройства российских территорий;

- повышению роли общественного мнения как наиболее действенного института контроля за качеством принимаемых государственными органами управленческих решений и др.

Ошибочно утверждать, что руководство страны не принимает мер по стабилизации ситуации. Приняты давно предлагаемые федеральные законы — о государственном стратегическом планировании в Российской Федерации и о промышленной политике в Российской Федерации, что многими специалистами рассматривается как первый шаг к формированию долгосрочной государственной экономической политики Российской Федерации на стратегическую перспективу. Но экономической политики как долгосрочной программы научно обоснованного и социально ориентированного порядка, согласованного на уровнях Президента РФ, Правительства РФ, региональных и муниципальных органов власти, бизнеса и населения, до сих пор нет, и даже не обсуждается необходимость ее разработки. Данное обстоятельство дает основания отдельным исследователям считать, что в Российской Федерации вообще нет экономической политики [1], «отсутствует целостная социальная политика государства, которое провозглашено социальным» [2, с. 628]. Серьезные претензии со стороны ученых и практиков предъявляются агропродовольственной политике [2, с. 145–150, 204–209]. И подобные претензии можно предъявлять и к другим направлениям государственной политики (пространственной, региональной, инфраструктурной, инвестиционной и др.).

В докладе Всемирного экономического форума (ВЭФ) о глобальных рисках выделен специальный раздел «Строительство национальной устойчивости к глобальным рискам» (2013 г.). В преамбуле к докладу Ли Хауэлл, управляющий директор Сети реагирования на риски ВЭФ оценил проблему национальной устойчивости к глобальным рискам как центральную проблему доклада. По его мнению, «природа глобальных рисков является внеш-

ней и они находятся вне пределов организации или государства, как и их возможности управлять или смягчать последствия рисков самостоятельно. Поэтому глобальные риски часто преуменьшаются или даже игнорируются в текущем управлении рисками» (цит. по [11, с. 48]). Как будто специально для российского руководства сказано!

Бытует мнение, что отсутствие политики — это особая форма политики [5, с. 13]. Но это уже другая модель политики. Чтобы разобраться в этом, попытаемся определиться с самим понятием «экономическая политика». Большинство советских, да и российских, а часто и зарубежных исследователей рассматривают политику как концентрированное отражение социально-экономических потребностей общества, носителем которых является большинство населения (или господствующая его часть), то есть в русле определения В.И. Ленина политики — «как концентрированного отражения экономики» [4, с. 171].

Зададимся вопросом, а нужна ли Российской Федерации государственная экономическая политика, да еще и долгосрочная, с охватом отраслевого (видового) и пространственного (регионального) развития? Ответы могут быть разными и достаточно аргументированными. Но большинство российского населения, по нашему мнению, безусловно, поддерживает необходимость разработки, общественного обсуждения и принятия экономической политики Российской Федерации как долгосрочной политико-экономической программы консолидированных действий всех ветвей государственной власти, политических партий и институтов гражданского общества, бизнеса и российского населения. В статье «Новая реальность: Россия и глобальные вызовы» Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев признал, что перед Российским обществом сегодня стоят сложные и во многом принципиально новые не только для страны, но и для всего мирового сообщества задачи, требующие актуализации национальной и внешней экономической политики. С одной стороны, «старые проблемы и обстоятельства возникают в новом облики. Но при этом вырастают и совершенно новые обстоятельства, которые выступают подчас в старой форме. Сейчас, как и в прошлом, переплетаются факторы, которыми можно управлять, и факторы, находящиеся вне сферы нашего контроля. Важно их не перепутать и не отступить перед внешними обстоятельствами» [3, с. 6]. Но решать эти проблемы необходимо не кулуарно,

считаясь с мнением лишь близкого к власти окружения, а опираясь на общественное мнение и солидарную волю большинства российского населения.

С другой стороны, «...дело не только и не просто в преодолении возникающих сегодня или застарелых трудностей, кризисных явлений, дефицитов и диспропорций. При всей важности этой работы, при всех непростых обстоятельствах сегодняшнего дня необходимо сформулировать для себя стратегические цели, задачи, которые мы в итоге должны решить. Если угодно, проговорить до конца. Даже если цель выглядит очень неблизкой, а решение — очень сложным. Хотя эта цель формулируется достаточно просто: выйти (хочется сказать „совершить прорыв“, но военная терминология тут вряд ли уместна) в группу стран с наиболее высоким уровнем благосостояния» [4, с. 6]. Если пользоваться оценками Ли Куан Ю, усилиями которого Сингапур из города — государства «третьего мира перешагнул в первый мир», такие трансформации возможны исключительно в условиях структурных кризисов и при условии высокого уровня доверия населения к власти и уверенности, что проводимые реформы проводятся профессионально грамотно и улучшают жизнь большинства населения. Высокий уровень доверия населения к власти и проводимым ей реформам может, а на деле — и основывается, на предоставлении властью «образа будущего общества», качественные характеристики которого отвечают потребностям большинства жителей страны, а не ограниченной ее части [5, с. 18–22]. Только в этих условиях повышается активность населения и общества в разработке и внедрении как технологических, так и институциональных инноваций.

По мнению Д.А. Медведева, последние особенно важны, поскольку опыт XX в., как и практика XXI в., с неумолимой убедительностью показывают, что для выхода на лидирующие позиции в мире в оптимально сжатые сроки страна должна быть готовой (ресурсно, кадрово, организационно, политически) органично сочетать внедрение новых технологий и соответствующих институтов. «Можно назвать этот подход марксистским, — констатирует глава правительства, — соответствие производительных сил и производственных отношений. Однако он подтверждается практикой и опытом стран, которым удалось вырваться из отсталости — от Германии, Японии и СССР до Финляндии, Южной Кореи и Сингапура» [3, с. 9].

А этот подход — и есть марксистский, поскольку названные страны, к которым можно

добавить Китай, Вьетнам, Индию и некоторые другие страны, развиваются, строго следуя объективным законам развития национальных систем, основой которых остается закон соответствия производственных отношений обществу характеру и уровню развивающихся производительных сил. Безальтернативная логика названного закона требует опережающего развития реального сектора, и прежде всего отечественных высокотехнологичной промышленности и агропромышленного комплекса, производственной инфраструктуры и всего социального сектора, цивилизованного пространственного обустройства России (производственного, инфраструктурного, социального), а не закрытия медицинских учреждений, школ, домов культуры и сокращения транспортного сообщения (которое должно обеспечивать высокоэффективное функционирование производительных сил и конкурентное продвижение отечественных товаров на национальном и мировом рынках), ограничения возможностей образования, здравоохранения, академической и вузовской науки различными надуманными реформами по повышению их эффективности, а на деле — сокращения их бюджетного финансирования и повышения бюрократизма в оценке их результативности.

Названные выше страны осуществили экономический рывок из третьего мира в «первый мир» лишь благодаря тому, что строго следовали марксистскому закону преимущественного развития производительных сил общества, на устойчивой и с нарастающей эффективностью функционирующей основе которых могут и должны устойчиво и с нарастающей эффективностью функционировать производственные отношения во всем многообразии их проявления. И это — истина, которую трудно оспаривать и опровергать. Но манипулировать ею можно, в том числе и посредством экономической политики государственной власти, что делалось и продолжает делаться руководством Российской Федерации. Было навязано, в противовес мнению населения, решение «о роспуске Советского Союза». По «шпаргалкам» МВФ и под диктовку американских советников были реализованы рекомендации «Вашингтонского консенсуса» по шоковой приватизации и массовой пауперизации большей части российского населения. Создается впечатление, что российское руководство продолжает находиться под гипнозом наивной веры в то, что национальные проблемы решатся созданием Международного финансового центра в Москве и развитием сферы фи-

нансовых услуг! И... сохранением стабильного Правительства и руководства Центрального банка РФ по причине их высокого профессионализма. Воистину блажен, кто верует! Без постоянного и точечного обновления команды правительства (ЦБ РФ) нет и не может быть устойчивого и системного развития. Это азбучная истина любого профессионального управленца, если он не ориентирует развитие на другие цели, далекие от общественных интересов и потребностей российского населения.

В литературе дан развернутый и обстоятельный анализ статьи Председателя Российского Правительства Д.А. Медведева [9, с. 3–49; 27, с. 63–78; 31]. Обратим внимание на дискуссионные проблемы анализируемой статьи.

По мнению большинства отечественных и зарубежных экономистов, устойчиво прогрессивное и системное развитие любого общества может осуществляться, во-первых, на основе прогрессирующего развития производительных сил, их постоянного и системного развития и обновления (технологического, структурного, технического, размещенческого); во-вторых, при своевременном обеспечении развивающихся производительных сил обновляемыми производственными и финансово-кредитными отношениями и институтами, организационными и структурными изменениями (отраслевыми, пространственными, социальными, распределительными, научно-образовательными, организационно-управленческими, кадровыми, мотивационными); в-третьих, посредством формирования государством соответствующих системному и устойчивому развитию политических, организационно-правовых и макроэкономических условий для мобилизации большей части населения на активное и творческое участие в названных процессах.

История знает два реальных способа привлечения населения к проводимым реформам и преобразованиям: административно-принудительный (СССР — 20–30-е гг. XX в.) и демократический, основанный на политико-экономическом убеждении населения и бизнес-общества в необходимости активного участия в проводимых руководством государства преобразованиях (Сингапур, Южная Корея и др.). И в первом, и во втором вариантах именно государство инициирует развитие производительных сил как приоритетное направление государственной экономической политики, но разными способами мобилизует население на ее выполнение и достижение результатов «об-

раза видимого общества». Для руководства и населения СССР таким побудительным мотивом был образ абстрактного индустриального социализма и не менее абстрактного коммунизма, для руководства Сингапура и его населения — общественный порядок и достойный уровень жизни.

Главным ресурсом экономической политики и залогом ее успешной реализации была и остается опора на системную общенародную поддержку, основанную на твердой уверенности в достижении ее конечных результатов и удовлетворении интересов (полном или частичном) всех участвующих в ее реализации. Вторым по значимости ресурсом экономической политики должны стать, на наш взгляд, высокий профессионализм и компетентность идеологов и «реализаторов» экономической политики в целом и ее ключевых направлений. И с этим ресурсом в российском руководстве, как и с первым, больше невнятности, чем здравого понимания ситуации и возможностей ее профессионального исправления.

Определение политики как «концентрированного отражения экономики» предполагает, с одной стороны, осознанное участие населения, бизнеса и властных органов всех уровней при максимальной мобилизации средств, ресурсов и возможностей для последовательной реализации экономической политики, разработанной с участием населения и всех заинтересованных государственных, рыночных и общественных структур, позволяющей стране выйти на новые рубежи экономического, социального и политического прогресса, формирования нового и более высокого качества жизни всех слоев населения. С другой стороны, доказательство реальными делами и их позитивными результатами реальности и общественной пользы для всех участников полноценной (с позиций общественной значимости, социальной направленности и рыночной окупаемости) реализации приоритетов государственной экономической политики на всех уровнях общественного устройства.

Попытки оценивать государственную (федеральную) экономическую политику Российской Федерации предпринимаются многими авторами, политическими и общественными деятелями. Часто авторы и политические и общественные деятели вместо того, чтобы дать оценку политике, описывают нарастающие внешние и внутренние угрозы Российской Федерации, что негативно отражается на процессах реализации приоритетных ее направлений. В итоговом документе Санкт-

Петербургского Международного экономического форума, к примеру, рекомендовано разработать и активнее использовать комплекс мер по преодолению «одной из главных угроз эффективному развитию экономики России — диспропорций экономического и демографического развития» [14, с. 125]. Споры нет, проблема заслуживает решения как одна из главных, но не самая главная.

Предлагается «формировать новую модель экономического роста» (А. Кудрин, Е. Гурвич), способную превратить «нефтегазовые сверхдоходы во внутренний спрос и... стимулировать производство, рост доходов, мотивируя трудовую активность и реформируя структуру экономики» [19, с. 69]. Высказываются пожелания (Г.О. Греф) создать при правительстве «центр управления изменениями», призванный заниматься проектированием необходимых стране реформ и оптимизации государственных управленческих структур. Наконец-то признано, что необходимо существенно сократить госрасходы, которые составляют в настоящее время 40 % ВВП, из них доля госаппарата — более 32 %, что в 2,5 раза выше чем в США (13 %), в 3 раза выше, чем в Германии (11,0 %), в 4 раза выше, чем в Великобритании (10 %). Рассчитано, что неразвитая система конкуренции российской экономики увеличивает ежегодные потери ВВП страны на 2,5 %, а по РЖД и Газпрому — на 1,2 % [20, с. 69].

В названной выше статье Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев называет особенностью нашего времени «формирование новых приоритетов, новых вызовов и новых подходов к решению проблем, возникающих перед Россией и другими странами», а конечная цель решения этих проблем — выход «в группу стран с наиболее высоким уровнем благосостояния» [3, с. 5, 6].

Полемизуя с главой Правительства, С.С. Губанов предлагает два конкретных решения стоящих перед страной проблем. Во-первых, по его мнению, «настоятельным и отвечающим стратегическим интересам России видится социальный контракт между Кремлем и промышленным капиталом», поскольку только такой вариант избавляет от компромисса, расплачиваться за который надо падением уровня жизни населения и рецидивом массового вымирания людей». Во-вторых, он считает целесообразным «организовать разработку долгосрочной стратегии новой индустриализации России», к разработке которой предлагается «подключить все научно-экономическое сообщество, а не только сторонников

неоиндустриальной парадигмы и позиции» [9, с. 47]. Разработанная специалистами и поддержанная населением (путем опроса, референдума) долгосрочная стратегия новой индустриализации России, на наш взгляд, могла бы стать не только стратегическим проектом реализации экономической политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, в государственных и частных компаниях, в реализации которого реализации участвовало бы все российское население, особенно в части учета местных особенностей. Стратегия могла бы консолидировать общество вокруг устойчивого и системного развития общества, результатом которого должно стать повышение уровня благосостояния всего российского населения. Инновационная и трудовая активность населения повысится, если она будет мотивироваться и поощряться. Усилится контроль за деятельностью органов власти, поскольку уровень благосостояния населения всегда и везде напрямую зависит от успешной реализации экономической политики и справедливого распределения ее результатов.

Очередная задача российской власти — выбор приоритетного направления социально-экономического и пространственного развития

Определение приоритетов экономической политики Российской Федерации — сложная и ответственная задача, требующая не только высокого профессионализма разработчиков и экспертов, но и активного участия населения в ее обсуждении и принятии. Ибо очередная ошибка в выборе приоритетов общественного развития способна ограничить возможности экономического роста и повышения благосостояния населения посредством системного использования всех имеющихся в стране источников, ресурсов и возможностей.

Крайне важно более объективно и профессионально оценивать внешние риски (реальные и потенциальные) и внутривосточные ограничения с тем, чтобы превентивно разработать диагностический инструментарий, позволяющий своевременно выявлять, объективно оценивать и результативно управлять процессами национальной и региональной устойчивости. Это предложение особенно актуально в современных условиях «санкционного ажиотажа», при котором незначительный просчет в оценке последствий оборачивается для общества неизбежным ухудшением экономических, социальных и политических позиций.

Возрастающая актуальность данного предложения видится и в том, что непрофессионально подготовленная и навязанная обществу экономическая политика (или ее отдельные направления) слишком дорого обходится обществу, и особенно населению. К примеру, «повышение качества промышленной политики на условные 10 % приводит к росту ВВП на 3 % — в первую очередь, за счет ускоренного развития обрабатывающих и, в несколько меньшей степени, добывающих производств» [8, с. 61]. По разным оценкам, качественная региональная политика пространственного обустройства Российской Федерации может не только обеспечить более высокие темпы роста ВВП страны, но и минимизировать возрастающее неравенство регионов по большинству оцениваемых показателей [15, 16].

В одном из последних своих выступлений на «Меркурий-клубе» Е.М. Примаков выделил и обосновал несколько принципиальных для устойчивого и системного развития Российской Федерации политических, социально-экономических и организационно-управленческих проблем, которые требуют профессионального и оперативного решения. По его мнению, необходимо самое серьезное внимание уделить повышению статуса регионов и муниципалитетов в социально-экономическом и общественном развитии, превратив их в локомотивы пространственного обустройства России с учетом особенностей структуры их экономики, социокультурных и национальных традиций. Для этого, по мнению Евгения Максимовича, крайне необходимо, с одной стороны, пересмотреть и оптимизировать распределение полномочий между Федерацией, регионами и муниципалитетами, обеспечив их соответствующими налоговыми и другими доходами; постоянное нарушение этого правила приводит, как свидетельствует отечественная практика, к росту их кредиторской задолженности и ограниченному выполнению закрепленных и переданных вышестоящим органом полномочий нижестоящим органам. С другой стороны, пересмотреть сложившуюся практику чрезмерной централизации налоговых поступлений и вернуться к практике 90-х гг., при которой, в соответствии с принятым и до сих пор не отмененным федеральным законом, налоговые доходы распределялись в следующей пропорции: не менее 50 % — регионам и муниципалитетам, а остальные — на общефедеральные нужды и поддержку депрессивных территорий¹.

¹ Примаков Е. М. Важнейшая проблема экономики. Выступление на заседании «Меркурий-клуба» // Российская га-

На Международной научно-практической конференции «Российские регионы в фокусе перемен» (Екатеринбург) Н.В. Зубаревич отметила возрастающие проблемы в устойчивом развитии регионов, которые требуют приоритетного решения. «Российские регионы, — по ее мнению, — вступили в острую фазу нового кризиса с разбалансированными бюджетами и огромными долгами (в дефиците 75 территорий)» и «не могут рассчитывать на поддержку из федерального бюджета» [17]. О возрастающей приоритетности повышения роли регионов и муниципалитетов в социально-экономическом и общественном развитии, пространственном обустройстве российских территорий и пишут многие. Находясь в Свердловской области (25.11.2015), Президент Российской Федерации В.В. Путин призвал глав регионов любыми способами заменить импортные товары отечественными. Для этого президент призвал наладить массовый выпуск качественной российской продукции по приемлемой экономически обоснованной цене, способной на равных конкурировать с зарубежными аналогами на внутреннем и на внешнем рынке. «Принципиально важно, — отметил президент, — выдержать единую линию, скоординировать проекты импортозамещения с учетом потребностей страны, приоритетных задач развития экономики и сильных сторон регионов» [17].

Региональным лидерам предложено активнее пользоваться новыми инструментами реализации импортозамещающих проектов. С 2015 г. начал действовать Фонд развития промышленности, который предоставляет льготные займы для модернизации промышленных предприятий и освоения новых высокотехнологичных производств. Уже одобрено и начата реализация 56 проектов на сумму 19,2 млрд руб., к которым добавилось около 140 млрд руб. частных инвестиций. С июня 2015 г. начал функционировать Российский экспортный центр — «единое окно» финансовой и нефинансовой помощи экспортерам, в процессе рассмотрения которого уже находится более 70 проектов в авиа- и автомобилестроении, сельском хозяйстве, нанотехнологиях и микроэлектронике [17]. Было указано и на проблемы, которые сдерживают решение поставленных перед регионами задач ускоренного импортозамещения. По мнению губернатора Калужской области А. Артамонова, «экспортноориентированный рост экономики не может состояться без благоприятной кредитно-денежной и налоговой политики, отвечающей

зета. 2015. № 112 (25 мая). С. 10.

задачам развития бизнеса. Как в крупном, так и малом бизнесе в настоящее время повсеместно отмечают ужесточение банками условий заимствования» [17].

Нарастающая «региональная дифференциация страны по уровню социально-экономического развития продолжает оставаться одной из приоритетных проблем, — утверждают А. Бородин и Н. Шаш, — которую так и не удалось решить в пореформенный период» [12, с. 69]. По оценкам большинства специалистов по региональной экономике, возрастающий с каждым годом разрыв в развитии российских регионов препятствует проведению единой экономической политики системного и устойчивого развития всех субъектов национального рыночного хозяйства, цивилизованного обустройства всего российского пространства.

Причины нарастающей дифференциации регионов (как и муниципалитетов) разные и часто не поддаются объективной классификации. Хотя две причины, на наш взгляд, серьезно усиливают эти процессы, подрывая устойчивость и ограничивая источники социально-экономического и общественного развития Российской Федерации.

Первая является следствием чрезмерной централизации властных полномочий, средств и ресурсов на федеральном уровне при одновременной чрезмерной регламентации деятельности региональных и муниципальных органов власти и управления. К примеру, природные, земельные и лесные ресурсы по Конституции находятся в государственной собственности. Логично предположить, что главным регулятором и распорядителем этих ресурсов должна быть Федерация, которая обязана (в соответствии с Конституцией и соображениями здравого смысла) законодательно делегировать часть этих полномочий на региональный и муниципальный уровни, передав в их оперативное управление те ресурсы, которые не относятся к категории стратегических. Логично: земли сельскохозяйственного назначения, леса общего пользования, месторождения регионального (муниципального) значения должны находиться в юрисдикции региональных и муниципальных органов. Предложенное распределение полномочий не исключает, а наоборот, предполагает разработку Федерацией основополагающего документа по управлению государственными ресурсами в формате основ (недропользования) или кодекса (земельного, лесного).

Целесообразность предложенного разграничения полномочий видится, с одной сто-

роны, в оптимальном распределении полномочий, ресурсов и ответственности за их рациональное и эффективное использование в интересах пространственного развития между уровнями власти. Вряд ли можно считать оптимальной ситуацию, при которой более 65 % налоговых доходов централизуется в федеральном бюджете, а конституционные полномочия на более 90 % всех земельных, лесных и природных ресурсов монополизированы федеральными органами власти. При этом нарастают объемы нецелевого, криминального и теневого использования государственных средств и ресурсов, критические масштабы которого снижают доходную базу бюджетов всех уровней, ограничивают их инвестиционные возможности, а главное, ограничивают рост ВВП страны длительным неиспользованием или теневым и даже варварским использованием земельных и лесных ресурсов.

Вторая причина является продолжением первой и видится в необходимости если не отказываться от выравнивания уровня бюджетной обеспеченности «отстающих» регионов, то хотя бы оказывать им бюджетную поддержку для реализации социальных (экологических, инвестиционных, научных) обязательств федерального значения, а также для освоения и развития, реконструкции и модернизации объектов, способных обеспечивать устойчивое их саморазвитие [15, с. 87–98]. Опасно формировать иждивенчество региональных и муниципальных структур постоянным и возрастающим их дотированием из федеральных налогов, поступающих из других, более успешных регионов, ограничивая инвестиционные возможности последних и Российского государства в целом. Иждивенчество тем и опасно, что формирует у получателей дотаций психологическую привычку требовать дотаций, а не искать способы самим зарабатывать средства на существование и развитие. Но это лишь одна сторона проблемы. Другая — не менее опасная — скрыта в уверенности федеральных чиновников в том, что дотационность отдельных регионов — объективная реальность, и с ней приходится считаться и рассчитываться, используя новые схемы коррупции и личного обогащения. Не помогать дотационным регионам (госзаказом, кредитами, инвестиционной программой) модернизировать экономику (как говорится, дать им удочку) и содействовать освоению ими модели устойчивого саморазвития, покрывая свои расходы полученными доходами, а поддерживать из года в год их существование дотациями.

Структура доходов консолидированного бюджета Российской Федерации и регионов, входящих в ассоциацию «Большой Урал» (2010–2014 гг), %

Бюджетный уровень	2010	2011	2012	2013	2014
Консолидированный бюджет РФ в том числе:	100	100	100	100	100
Федеральный бюджет	56,0	59,8	61,5	61,5	62,0
Региональный бюджет	36,8	34,1	32,8	32,3	32,7
Муниципальный бюджет	7,2	6,1	5,7	6,2	5,3
Регионы «Большого Урала» в том числе:	100	100	100	100	100
Перечислено в федеральный бюджет	64,1	68,7	70,4	71,8	71,9
Оставлено в региональном бюджете	28,2	25,3	24,1	22,1	23,4
Зачислено в муниципальные бюджеты	7,6	6,0	5,5	6,1	4,7

Выдвижение в качестве приоритетного направления регионального развития самокупаемости и расширенного воспроизводства валового регионального продукта, безусловно, потребует серьезных изменений в отношениях «Федерация — регион — муниципалитет», формирования благоприятного инвестиционного и финансово-кредитного климата как для регионов, так и для муниципалитетов, а также участия бизнеса, который сегодня не имеет доступа (особенно муниципальный) ни к госинвестициям, ни к кредитным ресурсам. А ведь инвестиции и доступные кредиты — это топливо для развития; они должны быть доступны всем субъектам рынка, способным обеспечивать решение социально-экономических задач общественного развития. «Недоступность финансовых ресурсов, — по оценке В.А. Крюкова, — побуждает одни предприятия, которые обладают „высокими переговорными позициями” и производят „готовые изделия”, встраиваться в гособоронзаказ (и формировать определенный „экономический полигон”), в то время как другим... приходится делать ставку на собственные силы (в частности, стараться не вступать в соприкосновение с финансово-банковской системой)» [6, с. 4]. Н. Зубаревич, А. Гусев, М. Юревич и другие к предлагаемой В.А. Крюковым оценке инвестиционной ограниченности социально-экономического развития страны добавляют коррупционность чиновников федерального уровня при распределении бюджетных инвестиций между регионами в форме бюджетных кредитов, субсидий и субвенций [16, 18].

Сложившаяся практика на определенном этапе начинает приобретать разрушительный характер: развитие резко ограничивается ростом затрат на производство, усиливающейся централизацией налоговых доходов и повышением коррупционности при их распределе-

нии, понижением конкурентоспособности рыночных агентов. И не только. Усиливается неравенство регионов, растет их кредиторская задолженность, снижается мотивация устойчиво развивающихся регионов к проявлению инициатив и предприимчивости, наблюдаются признаки неравенства регионов в части их налогового обеспечения, софинансирования Федерацией региональных и муниципальных программ развития (табл. 1).

В Ассоциацию «Большой Урал» включены 10 субъектов РФ: Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Курганская область, Оренбургская область, Пермский край, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Чрезмерное увлечение централизацией доходов и ресурсов на федеральном уровне, в том числе и для «выравнивания» уровней бюджетной обеспеченности, как видно из таблицы, крайне негативно сказывается на бюджетных доходах других регионов, в числе которых находятся регионы «Большого Урала». На первый взгляд, изменения налоговых поступлений в бюджеты регионов «Большого Урала» соответствуют в целом российскому тренду роста федеральных поступлений посредством снижения региональных и муниципальных доходов. Но в то же время, политика централизации налоговых доходов федеральным центром осуществляется, кроме прочего, и для ограничения возможностей успешно развивающихся регионов, ставя их в зависимость от федеральных трансфертов, субсидий и субвенций. По итогам 2014 г., к примеру, доля региональных и муниципальных налоговых доходов регионов «Большого Урала» составила 28,1 % при средней ее величине по Российской Федерации — 38,0 %. Практика налогового закабаления регионов и муниципалитетов проявляется и

Таблица 2

Распределение налоговых доходов между бюджетами разных уровней в регионах «Большого Урала» в 2014 году, %

Бюджетный уровень	Федеральный	Региональный	Муниципальный
Республика Башкортостан	43,5	47,4	9,1
Удмуртская Республика	64,5	28,4	7,1
Оренбургская область	68,3	26,6	5,1
Пермский край	54,9	35,6	9,5
Курганская область	25,1	58,0	16,9
Свердловская область	28,3	57,2	14,5
Тюменская область	47,0	45,6	7,4
Челябинская область	31,8	53,5	14,7
Ханты-Мансийский АО — Югра	86,2	11,8	2,0
Ямало-Ненецкий АО	80,6	17,4	2,0

внутри ассоциации «Большой Урал», в границах которой наблюдаются заметные различия в налоговых поступлениях в бюджеты разных уровней (табл. 2).

Различия в распределении налоговых поступлений между федеральным, региональным и муниципальными бюджетами в регионах «Большого Урала», с одной стороны, объясняются доминированием в ряде регионов (ХМАО и ЯНАО) добычи полезных ископаемых, налоговые доходы от которых (до 90 %) поступают в федеральный бюджет. С другой — промышленно ориентированные регионы (Курганская, Свердловская, Тюменская и Челябинская области) до 70 % и более налоговых доходов зачисляют в консолидированные бюджеты регионов. Особый налоговый режим у Республики Башкортостан, Удмуртской Республики, Оренбургской области и Пермского края, в валовом региональном продукте которых до 30 % и более составляет добыча нефтегазовых ресурсов. Этим обстоятельством объясняется, на наш взгляд, более высокая ставка отчислений их налоговых доходов в федеральный бюджет на общефедеральные нужды и поддержку других регионов.

Принципиальным остается вопрос, насколько справедливы действующие нормативы распределения налоговых доходов регионов «Большого Урала». Если использовать в качестве критерия оценки возможности саморазвития регионов, то есть их способность налоговыми доходами покрывать текущие расходы и иметь средства для расширения (обновления, инвестирования) производства, то ответ, к сожалению, можно дать только отрицательный. Такой возможности чрезмерная централизация налоговых доходов на федеральном уровне, безусловно, не дает. Выход видится в активном развитии институтов саморазвития в регионах и муниципалитетах (хотя

бы в крупных), профессиональном обновлении политико-экономической и макроэкономической среды их функционирования.

Институты саморазвития регионов и муниципалитетов как условие системного обустройства российского пространства

Проблема развития систем разного уровня в последние годы привлекает все более пристальное внимание исследователей и практиков. Общеизвестными стали такие характеристики систем, как самоорганизация (самоорганизующие системы), саморегулирование (саморегулируемые системы), саморазвитие (саморазвивающиеся системы). Применительно к природным и биологическим системам используется понятие «воспроизводимая система», к техническим — «автоматизированная система» и др., соответствующие характеристикам систем разного уровня. Задача нашего исследования скромнее — показать возможности саморазвития социально-экономических систем как реального и общественно значимого института пространственного обустройства российского пространства. На чем основаны наши предложения? На нескольких, достаточно проработанных аргументах.

Первый. Теоретически доказано и многолетней практикой подтверждено саморазвитие таких социально-экономических систем, которые обеспечивают простое или расширенное воспроизводство совокупного общественного продукта страны (предприятия, компании, фирмы, малый и средний бизнес и др.). К саморазвивающимся системам относятся и национальные социально-экономические системы, регионы в странах конфедеративной формы государственного устройства (Швейцария), а так же регионы (штаты, земли) в федеративных государствах (США, Германия, Канада) при

создании федерацией должных условий для устойчивого саморазвития субъектов федерации. Территориальные органы власти в условиях рыночной системы хозяйствования неизбежно превращаются в рыночных агентов, а по существу — в корпорации, призванные, с одной стороны, обеспечивать общественные потребности населения и коммерческих структур работами, услугами и другим набором общественных благ, а с другой — стремиться реализовывать названные обязательства и полномочия на основе их окупаемости, вводя ограниченную платность предоставляемых населению и бизнесу общественных благ и услуг, расширяя доходную базу региона развитием производственных возможностей, содействуя развитию малого и среднего бизнеса, повышая занятость населения [24].

Рассмотренная практика саморазвития коммерческих, национальных, региональных и части муниципальных (преимущественно крупных городов) систем позволяет утверждать, что в каждой, соответствующим образом организационно сформированной системе (самоорганизованной, саморегулируемой и самоуправляемой) имеется потенциал саморазвития, простого или расширенного воспроизводства своей системной сущности. В биологических системах заложенный потенциал воспроизводится естественным путем, в социально-экономических — требуется активное участие человека для того, чтобы потенциал системы начал функционировать в интересах развития самой системы и создания общественного блага.

Второй. Самоокупаемость и саморазвитие как экономические категории в условиях господства рыночной системы хозяйствования неизбежно трансформируются в имманентные свойства устойчиво успешного ведения бизнеса на всех уровнях общественного воспроизводства. На начальных стадиях рыночной системы хозяйствования (простое товарное производство, начальная стадия капитализма) саморазвитие и самоокупаемость формировались на уровне отдельных предприятий и коммерческих структур, в которых устойчивое саморазвитие и возрастающая доходность (прибыльность) становились критериями успешности и возрастающей конкурентоспособности. По мере развития капиталистических отношений и формирования государственно-монополистического капитализма государство начинает активно вмешиваться в воспроизводственные процессы вовлечением в сферу саморазвития и самоокупаемости (частичной или полной) ор-

ганизаций социальных сфер, отдельные структуры государственных и муниципальных органов власти, предоставляющих платные услуги населению и бизнесу. Безусловно, расширение государственного вмешательства в социально-экономические процессы осуществляется не столько по желанию самого государства, сколько под давлением народных масс и с согласия крупных государственно-монополистических и олигархических структур, стремящихся переложить на государство часть социальных расходов для поддержания стабильности и устойчивости.

Освоение практики расширения доступности для населения социальных услуг (общественных благ) посредством их частичной оплаты государственными, муниципальными или частными фирмами (посредством передачи полномочий) позволило заметно расширить использование института самоокупаемости в общественно значимых социальных сферах и сферах государственно-правового консультирования населения и представителей бизнеса, особенно малого [26, с. 5–13].

Третий. Институт самоокупаемости и саморазвития региональных и территориальных систем — универсальный институт, который был востребован на всех стадиях общественного развития. Но особая востребованность и судьбоносность его последовательной реализации ощущается в рыночных условиях хозяйствования, ибо экономия на затратах, самоокупаемость, инновационное лидерство и увеличение доходности — основные этапы достижения устойчивости и лидерства в конкурентном противостоянии с другими рыночными агентами.

Можно возразить: это правило справедливо для рыночных агентов, но никоим образом не свойственно государственным и муниципальным структурам. Возражение более чем справедливо, особенно для российской государственной (федеральной, региональной и муниципальной) практики. Рыночная система и теоретически и практически — это самоокупаемая система, в основе которой заложены достаточно жесткие принципы: успешен тот, кто тратит меньше, чем выручает, кто инновационно ориентирован и создает условия для повышения профессионального и корпоративного уровня работников, кто профессионально готовит и реализует проекты, не допуская перерасхода средств и ресурсов, их хищения и коррупционности. Необходимо соблюдение этих принципов на всех уровнях национальной экономической системы — от фермера и

индивидуального предпринимателя до средних и крупных компаний (в том числе и с госучастием), руководителей муниципального и регионального уровней, первых лиц и руководителей федерального уровня, призванных и по статусу, и в соответствии с принятой присягой настраивать себя и подчиненных на реализацию таких решений и проектов, которые окупаются и обеспечивают возрастающую доходность. Если же эта закономерность игнорируется или соблюдается лишь на низовом уровне, то общество теряет единство и согласие и вынуждено жить по разным законам: большая часть населения — по законам рынка, оптимизируя свои потребности трудовыми доходами; другая часть — по положению в общественной иерархии и сложившемуся на высшем уровне власти представлению о государственном статусе, который позволяет федеральным чиновникам и депутатам жить и действовать «по понятиям», а не по законам рыночной системы.

О том, что эта закономерность рыночной системы хозяйствования не только не соблюдается, но и публично игнорируется реализацией многочисленных проектов и управленческих решений, свидетельствует многочисленная практика и результаты работы счетной палаты РФ. Нами уже анализировались и объяснялись причины принятия управленческих и регулирующих решений, наносящих невосполнимый ущерб социально-экономическому и всему общественному развитию Российской Федерации [20, с. 2–7]. О провалах государства в использовании законов и закономерностей рыночной системы хозяйствования говорят и пишут многие специалисты, не понаслышке знакомые с условиями и последствиями системного и целенаправленного игнорирования не только Конституции РФ, но и объективных законов рынка. По мнению А. Г. Аганбегяна, «чтобы перейти к быстрому экономическому росту, нашим руководителям нужно будет проявить настоящую политическую волю. Предстоит резко расширить частный сектор, создать конкурентную среду, ограничить госмонополии и олигархов, прекратить ежегодное принудительное государственное повышение цен для того, чтобы переложить трудности государственных организаций на население и других потребителей. Линии на приватизацию неизбежно должны быть связаны с линией на сокращение госрасходов, по которым Россия лидирует в мире (по отношению к ВВП)» [7, с. 8–9].

Признанная мировым сообществом страной с рыночной системой хозяйствования, Российская Федерация продолжает наращи-

вать непроизводительные, а в чем-то неподъемные для экономики траты. Если в 1985 г. расходы на содержание государственного аппарата составляли 0,8 % от бюджетных расходов, то в 2010 г. они возросли почти до 14 % и продолжают расти в связи с кулуарными повышениями зарплат и пенсионного обеспечения депутатов и чиновников всех уровней. В том же 1985 г. один советский чиновник приходился на 115 жителей, а в 2010 г. — на 58 [20, с. 2–3]. Впечатляющая разница? Вроде бы есть с кого и за что спрашивать и есть кого призывать к ответственности. А спрашивать хочется все чаще и чаще, к примеру: почему все быстрее опустошаются кошельки населения, а возможности малого и среднего бизнеса успешно развиваться ограничиваются? По оценкам В. Костикова, бывшего пресс-секретаря Президента РФ Б. Н. Ельцина, за последние 12 лет тарифы на газ в России выросли в 10 раз, на водоснабжение в 14 раз, на услуги ЖКХ в 15 раз, на электричество в 7 раз. «Население, особенно в регионах, недовольно качеством образования и здравоохранения. Россия занимает одно из последних мест среди стран, в которых международные эксперты замеры качества национальной системы здравоохранения»¹.

По мнению В. А. Кашина, государственного советника налоговой службы 11-го ранга, доктора экономических наук, профессора, руководителя Центра исследований экономической безопасности России Института проблем рынка РАН (г. Москва), не дилетанта в этих вопросах, «налоговая нагрузка на бизнес ... у нас самая наивысшая в мире. Многие в этой ситуации просто закрывают свои предприятия и уезжают за границу, другие — пока стоят на двух ногах: одна в РФ, а другая — в Германии, во Франции, в Канаде и т. д. Но они в любое время могут свою „русскую ногу“ поднять и перенести тоже за рубеж» [21, с. 48]. По его мнению, в первую очередь «надо навести порядок в расходах бюджета и вообще в государственном управлении. Нам реально не нужны ни две ветви исполнительной власти (в США вообще нет премьер-министра), ни две палаты парламента, ни три прокурорских ведомства..., ни четыре налоговых службы (ФНС, ФТС, Федеральное казначейство и внебюджетные фонды). Нам не по карману содержать отдельное министерство по чрезвычайным ситуациям (на самом деле, сейчас в чрезвычайной ситуации находится вся Россия), специальное постоянное действу-

¹ Костиков В. Покажите, где кнопка. Нужен трезвый взгляд на ситуацию в стране // Аргументы и факты. 2014. № 40. С. 9.

ющее „министерство по выборам”» [21, с. 53]. Предлагается прекратить «за счет бюджетов снабжать квартирами чиновников».

Требуется ограничить расходы регионов и муниципалитетов, которые, имея дефицитные бюджеты, выплачивают уходящим в отставку чиновникам «приличное выходное пособие» и за счет того же бюджета устанавливают персональные пенсии и персональные льготы. Все регионы РФ, в отличие от регионов других государств с федеративной формой устройства, имеют свои представительства в престижных зданиях г. Москвы, специальный аппарат и персональный транспорт, на содержание и обслуживание которых расходуются те же бюджетные средства, которых так не хватает для развития социальной сферы и инфраструктуры, поддержки предпринимательства и инвестирования развития.

На чрезмерную расточительность российского руководства вынуждены обращать внимание даже представители зарубежных стран. На Петербургском экономическом форуме (2015 г.) Э. Блэр, бывший премьер Великобритании отметил, что для переустройства общества необходима методология реформ, которая имеет решающее значение для достижения прогнозного результата. «Нужно иметь инструментарий по реализации реформы, который поможет донести до людей то, что вы делаете, и так, чтобы страна за вами пошла» [23, с. 19]. Эту мысль развивает Лим Сион Гуан (президент группы GIC, Сингапур). По его мнению, «цели правительства должны отражать потребности общества в целом и ... под цели — привлекать профессионалов» [23, с. 20]. На форуме отмечалось, что для возвращения экономики РФ на траекторию устойчивого развития необходимо решить ряд структурных проблем. Но начинать предлагается с реформы правительства, которое должно определиться с курсом и работать на основе доверия по улучшению делового и инвестиционного климата. Для этого российскому руководству рекомендуется определиться с моделью развития. Тот факт, что это не сделано до сих пор, расценивается зарубежными и отечественными специалистами как один из самых серьезных изъянов российского политического руководства.

Необходимость покрытия возрастающих расходов на госуправление и нерациональных трат бюджетных средств вынуждает власть лихорадочно искать новые формы повышения налогов на бизнес и население, которые централизуются на федеральном уровне, доводя бюджетные доходы большинства регионов и

муниципалитетов до хронически дефицитного состояния. Не лучшим образом работает и Центральный банк РФ, который отзывами лицензий у коммерческих банков лишает население, малый и средний бизнес накопленных и средств на развитие и инновационное обновление производства. Но ведь эти лицензии коммерческим банкам выдавал ЦБ РФ, а следовательно, и гарантировал вкладчикам и клиентам сохранение их средств, но не контролировал и не сумел сохранить, а отвечать за халатное, а вернее — преступно халатное руководство банковской деятельностью, вынуждены не те, кому доверяет Президент РФ — правительство и ЦБ РФ, — а население и бизнес.

При попустительстве ЦБ РФ банковская система практически не занимается кредитным инвестированием ни бизнеса, ни регионов с муниципалитетами. Из совокупных активов банковского сектора в 77,7 трлн руб., что составляет 108,7 % ВВП страны (71,4 трлн руб.), на инновационное кредитование расходуется чуть более 1,5 % (1,1 трлн руб.), а в объеме всех инвестиций их доля 9 % [7, с. 7–8].

В подобных антирыночных политико-экономических и макроэкономических условиях сложно рассчитывать на устойчивое саморазвитие региональных и особенно муниципальных систем, их превращение в активных участников реиндустриализации российской экономики и пространственного обустройства территорий. В 2010 г., по оценке Института экономики УрО РАН, двадцать регионов РФ уже можно было (хотя и с натяжкой) рассматривать как осваивающих начальную стадию саморазвития, на начало 2016 г. их число сократилось до 5–9. В их числе Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Ненецкий АО. К перечисленным с определенными допущениями можно добавить Республику Татарстан, Свердловскую и Омскую области, Ямало-Ненецкий АО. И все!

Превратить институт саморазвития и самокупаемости большинства рыночных систем в решающий источник расширенного воспроизводства совокупного общественного продукта на принципиально новой технической, технологической, организационно-управленческой и научно-образовательной основе — задача непростая и быстро, одними призывами, не решаемая. Необходима консолидация общественного мнения, населения, бизнеса и всех ветвей власти в целях разработки, профессионального обсуждения и принятия общенационально одобренного национального плана социально-экономического и общественного

развития Российской Федерации на ближайшие 10–15 лет с разбивкой по пятилеткам и годам. Каждый планируемый период должен завершаться достижением значимого для страны и населения результата (производственного, социального, экономического, политического).

Региональные (муниципальные) планы предлагается органично встраивать в национальный план не копированием и дублированием его показателей (темпов, приоритетов, институтов и механизмов), а как продолжение и развитие национального плана — разработкой региональных и муниципальных планов по его реализации на соответствующих уровнях пространственной системы.

Национальный план и его роль в пространственном обустройстве российских территорий

Национальный план должен состоять из 10–15 федеральных программ, которые в концентрированном виде призваны отразить приоритетные направления системного развития Российской Федерации, выхода ее на более высокие рубежи технологического и социально-экономического развития, качества жизни населения и пространственного обустройства ее территорий. Под пространственным обустройством российских территорий нами понимается не только общенаучная трактовка пространства «как форма существования материи, структурность и протяженность материальных систем», в которой предлагается, прежде всего, «выделять те качества реальных объектов, которые в первую очередь характеризуются основными свойствами пространства: размерностью, протяженностью, упорядоченностью, материальностью, связанностью, непрерывностью, кривизной и формой» [22, с. 22]. Предложенное В.Н. Лаженцевым восприятие пространства через перечисленную совокупность его качественных характеристик отражает, на наш взгляд, в большей мере географическую трактовку пространства. Если же переходить от чисто географической характеристики пространства к экономической географии, то перечень качественных характеристик пространства неизбежно расширится за счет имеющихся ресурсов и их оценки (природных, рудных и др.), климата, экологии и т. д.

С социально-экономических позиций пространство обладает перечисленными качествами и характеристиками пространства не только географического и экономгеографического, но и производственного и социального. Исключительно производственной и социаль-

но-экономической характеристикой пространства является наличие производственных, инфраструктурных и социальных объектов, необходимых и достаточных для занятости проживающего здесь трудоспособного населения, формирования полноценных рыночных отношений и регионального рынка товаров. Необходимы налаженные и развивающиеся производственные и хозяйственные связи как внутри пространственной системы, так и с сопредельными и вышестоящими системами [10, 16, 22, 24].

Наша задача видится не столько в привлечении внимания к необходимости цивилизованного социально-экономического обустройства российского пространства по образцу и стандартам развитых стран мирового сообщества, сколько в использовании потенциала российского пространства как дополнительного источника общественного прогресса и устойчивого развития. Но для этого необходимы консолидированные усилия и власти всех уровней, и бизнеса, и всего российского населения. Стимулом пространственного обустройства российских территорий мог бы стать предлагаемый национальный план социально-экономического и общественного развития РФ, одна из федеральных программ которого могла быть посвящена пространственному обустройству страны. Необходимо возродить практику разработки схем размещения и развития производительных сил на российском пространстве с учетом потребностей федеративного развития и научно-производственных, образовательных, ресурсных и кадровых возможностей регионов. Приоритетным считаем программное развитие межрегиональной интеграции и кооперации, в том числе и посредством формирования межрегиональных кластерных объединений, инновационных центров, технологических платформ, производственно-научно-образовательных центров коллективного пользования.

Нуждается в переосмыслении и пересмотре роль института полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральных округах. Из контрольно-надзорных органов представительства должны быть переформатированы в органы реализации национального плана социально-экономического и общественного развития страны в регионах и муниципалитетах, оптимально координирующие их возможности и усилия на всем пространстве округа, согласуя их с усилиями сопредельных регионов и муниципалитетов других округов. Формы, механизмы и институты

реализации предлагаемых полномочий полпредств могут быть разными и должны учитывать местные особенности и стоящие перед округом и регионами (муниципалитетами, бизнесом, населением) приоритетами национального плана. Но основной миссией института полномочного представителя Президента РФ в федеральных округах должно стать, на наш взгляд, системное пространственное развитие и обустройство российских территорий с учетом исторических, национально-культурных, инфраструктурных, производственно-ресурсных и социальных особенностей и традиций населения, проживающего на российских территориях.

Пространственное развитие в оценках большинства специалистов рассматривается как качественное обновление пространственных систем (национальных, региональных, муниципальных) посредством эволюционного перехода от существующих структур к структурам более высокого качества, обновление и оптимизация организационно-управленческих структур на российском пространстве, его целенаправленное и управляемое социально-экономическое обустройство. Качественное обустройство российского пространства — от центральных, южных, восточных и северных, до Арктических территорий — должно стать приоритетом реализации национального плана на каждом уровне власти.

Механизмами и институтами реализации национального плана могли бы стать государственный заказ регионам (через аппарат полпреда в федеральном округу) на реализацию программы или ее части — проекта (нескольких проектов), или бизнес-проекта (проектов) при условии, что к их реализации будет привлечен региональный бизнес на условиях соинвестирования проекта (проектов). В качестве таковых могут использоваться федеральные конкурсы на реализацию программ и отдельных проектов, в которых могли бы участвовать регионы (единолично или солидарно), крупные муниципальные образования с представителями местного бизнес-сообщества, федеральные округа, государственные и частные корпорации, способные качественно и в срок выполнить конкурсное задание.

Залогом успешности использования предлагаемых институтов и механизмов пространственного обустройства и развития Российской Федерации должно стать серьезное и системное повышение качества государственного управления на всех уровнях властной вертикали. Высокий профессионализм каж-

дого специалиста, привлекаемого на государственную и муниципальную службу, его персональная ответственность за результаты деятельности должны стать обязательными требованиями ко всем кандидатам. Но поскольку ни Государственная Дума, ни Совет Федерации, ни Правительство РФ на эти процессы влиять не в состоянии, да и парламентские партии перестали отражать и, главное, отстаивать интересы основной массы российского населения [25, с. 17–19], высказываются предложения вернуться к исключительно территориальному представительству депутатов в единый законодательный орган страны. Предлагается активнее использовать возможности независимых общественных организаций, научно-образовательных сообществ и творческих союзов для формирования общественных советов при министерствах и правительстве (федеральных и региональных). Именно эти советы должны стать экспертным сообществом при принятии решений о создании (ликвидации, объединении, сокращении) министерств и ведомств с четким определением цели функционирования и конечных результатов (развитие нового технологического уклада, увеличение производства, экономия затрат и др.), комплектовании их по профессиональным и деловым критериям для решения конкретных — общественно значимых общефедеральных отраслевых (видовых) или пространственных — проблем системно устойчивого пространственного развития страны.

Трудно не согласиться с оценкой Г.О. Грефа, который открывая дискуссию на Санкт-Петербургском экономическом форуме (июнь 2015 г.), заявил: «Единственное отличие успешных государств от неуспешных — в качестве государственного аппарата и его управления... Мы знаем факты, когда государства обладали всеми видами ресурсов и являлись бедными на протяжении веков. Мы знаем также государства, которые не обладали никакими ресурсами и в течение короткого исторического времени за счет качественного управления достигали высот в части доходов на душу» [23, с. 17]. На вопрос одного из участников дискуссии «Является ли проблема эффективности государственного управления главной для Российской Федерации?», большинство участников дискуссии ответили утвердительно! Сей факт, по нашему мнению, можно рассматривать как публичное подтверждение высказанного выше предложения, что социально-экономическое и общественное реформирование Российской Федерации должно начинаться с

головы — с высших органов власти и управления, охватывая качественным обновлением пространственного развития всю вертикаль российской власти, включая ее самые нижние уровни — поселковые администрации, а также все российское население.

Некоторые выводы для возможных обсуждений

1. Для вывода социально-экономического и общественного развития Российской Федерации на траекторию устойчиво стабильного развития предлагается, во-первых, определить образ будущего общества, к которому готово и стремится большая часть российского населения; во-вторых, публично оформить образ будущего общества в виде экономической политики государства и общества, в которой должны быть прописаны этапы, последовательность, движущие силы и источники ее реализации, государственные органы и конкретные должностные лица, ответственные за ее последовательную и системную реализацию на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; в-третьих, реальным институтом реализации экономической политики должен стать национальный план приоритетного (10–15 приоритетов) социально-экономического и общественного развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (до 15 лет) с пятилетней и годовой разбивкой с тем, чтобы сохраняя его непрерывность и преемственность, иметь возможность вносить в него необходимые коррективы, обусловленные внутренними и внешними причинами и обстоятельствами; в-четвертых, регионы и муниципалитеты могут и должны подключаться к национальному плану, осуществляя реализацию его приоритетных (национальных, федеральных, пространственных) программ. Подобное подключение может осуществляться регионами и муниципалитетами индивидуально или коллективно (предпочтительнее — в составе федерального округа) на конкурсной основе или посредством использования государственного заказа на реализацию отдельной программы или ее проекта (проектов).

2. Особо приоритетными должны быть признаны, на наш взгляд, две общефедеральных программы.

Первая — федеральная программа реформирования государственного аппарата на всех уровнях в следующих целях:

— оптимизация государственного аппарата и существенное сокращение расходов на его содержание и функционирование;

— повышение качества государственного управления посредством улучшения профессиональной подготовки управленческих кадров государственных органов и их персональной ответственности за реальные результаты своей работы;

— активное привлечение общественности (опора на общественное мнение) при обсуждении и назначении кандидатов на ответственные государственные (муниципальные) должности. Должно быть восстановлено конституционное право всего населения в полноценных выборах депутатов, губернаторов, мэров. Государственная Дума и Совет Федерации обязаны участвовать в обсуждении кандидатов в члены правительства и особенно его главы.

Вторая — федеральная программа пространственного обустройства территорий Российской Федерации с учетом национальных, социально-культурных, инфраструктурных производственно-ресурсных и иных общественно значимых потребностей проживающего на территориях населения. В современных условиях крайне необходимо создавать под руководством федеральной власти наиболее комфортные и цивилизованные условия для трудовой (производственной, предпринимательской, творческой) деятельности всего российского населения, а не только проживающего в центральных регионах. Для этого необходимо, во-первых, возродить разработку и реализацию схем размещения и развития производительных сил, способных обеспечивать системное обустройство и развитие российского пространства на всей территории страны в соответствии с международными стандартами и предпочтениями проживающего населения; во-вторых, пересмотреть и оптимизировать межбюджетные отношения между Федерацией и регионами, регионами и муниципалитетами с тем, чтобы не менее 50 % собираемых на территориях регионов налогов оставалось в консолидированном бюджете региона для поддержания устойчивости инвестиционной политики в реализации национального плана и возможностей для дальнейшего развития государственно-частного партнерства на региональном пространстве; в-третьих, не менее 15 % собранных на территориях муниципалитета налогов должно оставаться в его бюджете для финансирования, в первую очередь, социальных статей и пространственного обустройства территории. Есть определенная логика в предложениях по расширению полномочий регионов и муниципалитетов в части целевого использования зе-

мельных и лесных ресурсов посредством временной сдачи их в аренду с обязательным их восстановлением, созданием кооперативных обществ и др.

3. Признано целесообразным активнее использовать институты и механизмы, способные, с одной стороны, полнее задействовать и последовательнее реализовать потенциал рыночной системы хозяйствования, заложенный в последовательном увеличении добавленной стоимости при общем снижении затрат (труда и ресурсов) на производство ВВП, содержание и функционирование государственного аппарата, чрезмерное расточительство и коррупционность при реализации национальных (региональных, муниципальных) программ и проектов, с другой — органично сочетать эффективные рыночные институты с возможностями планомерной реализации приоритетных национальных программ и проектов на уровне регионов и муниципалитетов, формируя основы смешанной модели пространственного развития Российской Федерации.

Требует своего принципиального решения проблема саморазвития региональных и муниципальных социально-экономических систем как институтов рыночной системы хозяй-

ствования и системного развития. Для этого потребуются не только соответствующая макроэкономическая среда и готовность регионов и муниципалитетов к освоению института самокупаемости и саморазвития, но и политическая воля высшего руководства РФ пойти на децентрализацию и расширение возможностей нижестоящих органов власти, системнее и на рыночных принципах осваивать институт саморазвития. В русле данного решения есть необходимость перенастроить направления деятельности и оптимизировать полномочия аппарата полномочных представителей президента в федеральных округах. Есть основания использовать данный институт как орган по организации и системной реализации национального плана на территориях федерального округа, развивая процессы межрегионального взаимодействия регионов и муниципалитетов, содействуя инициативности и предприимчивости всех рыночных агентов на пространственном поле округа. Не надзор и контроль исполнения директив, а ощутимые помощь и поддержка по реализации национального плана (программ, проектов) на территории округа должны стать стержнем деятельности всего аппарата полпредства.

Благодарность

Статья подготовлена на средства Гранта РНФ № 14-18-00456 «Обоснование геоэкоосоциоэкономического подхода к освоению стратегического природноресурсного потенциала северных малоизученных территорий в рамках инвестиционного проекта „Арктика — Центральная Азия“».

Список источников

1. Иноземцев В. Л. В России нет экономической политики // Мир перемен. — 2015. — Специальный выпуск. Московский экономический форум. — С. 52-55.
2. «Экономика для человека». Социально ориентированное развитие на основе реального сектора. Мат-лы Московского экономического форума // Под ред. Р. С. Гринберга, К. А. Бабкина, А. В. Бузгалина. — М.: Культурная революция, 2014. — 752 с.
3. Медведев Д. А. Новая реальность. Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. — 2015. — № 10. — С. 5-29.
4. Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // В. И. Ленин. Полн. собр. соч.: т. 36. — М.: Изд-во политической литературы, 1974. — С. 165-208.
5. Татаркин А. И. Политическая экономия как научная основа экономической политики. Экскурс по работам академика Л. И. Абалкина // Журнал экономической теории. — 2015. — № 3. — С. 7-23.
6. Крюков В. А. Экономика полигонов?! // ЭКО. — 2015. — № 11. — С. 2-5.
7. Аганбегян А. Г. Размышления о финансовом форсаже. По мотивам книги «Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика» // Деньги и кредит. — 2015. — № 8. — С. 5-10.
8. Кулешов В., Алексеев А., Ягольничер М. Дорожная карта политики реиндустриализации. Когнитивный инструментарий // Экономист. — 2015. — № 10. — С. 51-63.
9. Губанов С. С. Кризисные реалии России и их преломление в оценках правительства // Экономист. — 2015. — № 10. — С. 3-49.
10. Киреев А. А. Проблемы преобразования социально-экономического пространства. Между идеологией и наукой // Пространственная экономика. — 2015. — № 3. — С. 16-33.
11. Соловьев А. И. О подходе Всемирного экономического форума к строительству национальной устойчивости // Эффективное антикризисное управление. — 2015. — № 4. — С. 48-59.
12. Бородин А., Шаш Н. Дисбалансы развития и бюджетные риски регионов // Экономист. — 2015. — № 10. — С. 69-77.

13. Кузнецов С., Межевич Н. Региональная политика государства. Поиск научных основ // Проблемы теории и практики управления. — 2015. — № 8. — С. 8–15.
14. Об итогах Петербургского Международного экономического форума 2015 года / Двас Г. В., Кузнецов С. В., Ходачек А. М., Ходько С. Т. // Экономика Северо-Запада. Проблемы и перспективы развития. — 2015. — № 3. — С. 120–127.
15. Татаркин А. И. Теоретическая основа института саморазвития социально-экономических систем // *Urbi et orbi* / Под общ. ред. Р. С. Гринберга, А. Я. Рубинштейна; в 4-х т. — СПб.: Алетейя, 2015. Т. 4. Институты современной экономики / Под ред. А. Е. Городецкого. — 720 с. — С. 87–159. (Библиотека Новой экономической ассоциации).
16. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития после кризиса. От больших проектов к индустриальной модернизации // Журнал новой экономической ассоциации. — 2015. — № 2. — С. 226–230.
17. Ермак С. Зажатый нерв // Эксперт онлайн. — 2015. — № 49 (30 нояб.) [Электронный ресурс] URL: <http://expert.ru/ural/2015/49/zazhatyj-nerv/> (дата обращения 19.01.2016).
18. Гусев А., Юревич М. Региональный протекционизм в государственных закупках // Вопросы экономики. — 2015. — № 10. — С. 109–131.
19. Красс М. Модель оценки реформирования экономики России // Эффективное антикризисное управление. — 2015. — № 3. — С. 62–71.
20. Татаркин А. И. Инновационный вектор российской экономики. Поведенческая готовность населения // Шумпетеровские чтения. 4-я междунар. науч.-практ. конф. — Пермь: изд. ПГИУ. — 2014. — С. 2–28.
21. Кашин В. А. О новой модели развития для России // Мир перемен. — 2015. — № 3. — С. 48–62.
22. Лажнецов В. Н. Теоретические итоги исследований по тематике пространственного и территориального развития. С примерами по европейскому Северу России // Экономика региона. — 2015. — № 4. — С. 21–29.
23. Реформа государственного аппарата или смена менталитета // Эффективное антикризисное управление. — 2015. — № 3. — С. 16–22.
24. Региональная политика. Зарубежный опыт и российские реалии / Под ред. чл.-корр. РАН А. В. Кузнецова, д. э. н., проф. О. В. Кузнецовой. — М.: ИМЭМО РАН, 2015. — 137 с.
25. Койчнев Т. Найти путь от накопления проблем к их решению // Общество и экономика. — 2015. — № 7. — С. 5–19.
26. Тамбовцев В. Л. Социальная политика. Нерешенная задача научного обоснования // Общественные науки и современность. — 2015. — № 6. — С. 5–13.
27. Деягин М. Российский либерализм. Интеллектуальный паралич и угроза развитию. О статье премьер-министра «Новая реальность: Россия и глобальные вызовы». Послесловие А. Мелентьева // Российский экономический журнал. — 2015. — № 5. — С. 63–78.
28. Ильин В. А. Эффективность государственного управления. Точка зрения главного редактора. — Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. — 320 с.

Информация об авторе

Татаркин Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор, академик РАН, директор, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: tatarkin_ai@mail.ru).

For citation: *Ekonomika regiona* [Economy of Region], — 2016. — Vol. 12, Issue 1. — pp. 9-27

A. I. Tatarkin

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation)

Regional Targeting of the Economic Policy of the Russian Federation as an Institution of Regional Spatial Development

In the article, the task to evaluate the condition of the Russian economy amid slumping energy prices and «exchange of sanctions» is addressed. It also aims to define the priority directions of the economic policy of the Russian Federation as the full-service institutions capable to maintain the stability and consistency of development. The process of ensuring the spatial structure development of the Russian territories by means of involvement in the development processes the regional and municipal opportunities is offered to initiate with the optimization of the inter-budgetary relations of «municipality — region — federal centre.» All Russian citizens are recommended to treat more strictly and more responsibly the Constitution as the Basic Law supported by the populace and defining the strategic development priorities of the country on a long-term outlook. The methodology of the optimization of the inter-budgetary relations between the Federation, its subjects and municipalities is proved by the evidence-based delineation of powers and responsibility of each level for socio-economic results of work. It is offered to develop the national plan of socio-economic and social development engaging in work the experts and public; its main priorities have to be the improvement of the quality and productivity of the public administration and the spatial structure of the Russian territories. The mechanisms and institutions that help to involve the regions and territories to the implementation of the national plan are proved. The findings and recommendations offered in the paper may be used by the federal authorities in the development and adoption of laws and other regulations on the distribution of authority and optimization of the budgetary process. They are also may be useful for the regional and municipal authorities for the planning and development of the regional spatial structure.

Keywords: economic policy, priorities of economic policy, Constitution of the Russian Federation, methodological basis of economic policy, National plan of the social development of the Russian Federation, National plan of spatial development of the Russian territories

Acknowledgements

The article has been prepared by the Russian Science Foundation Grant № 14–18–00456 «Rationale of the geo-eco-socio-economic approach to the development of the natural-resources potential of the northern low-studied territories within the investment project «The Arctic — Central Asia».

References

- Inozemtsev, V. L. (2015). V Rossii net ekonomicheskoy politiki [Russia does not have the economic policy]. *Mir peremen [World of changes]*. Spetsialnyy vypusk. Moskovskiy ekonomicheskij forum [Special issue. Moscow economic forum], 52–55.
- Grinberg, R. S., Babkin, K. A. & Buzgalin, A. V. (Eds). (2014). «*Ekonomika dlya cheloveka*». *Sotsialno orientirovannoye razvitiye na osnove realnogo sektora. Mat-ly Moskovskogo ekonomicheskogo foruma [«Economocs for a man». Socially oriented development on the basis of real sector. Proceedings of the Moscow Economic Forum]*. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya Publ., 752.
- Medvedev, D. A. (2015). Novaya realnost. Rossiya i globalnyye vyzovy [New reality. Russia and global challenges]. *Voprosy ekonomiki [Questions of economy]*, 10, 5–29.
- Lenin, V. I. (1974). *Ocherednyye zadachi sovetskoj vlasti [Immediate tasks of the Soviet power]*. V. I. Lenin. Poln. sobr. soch.: t. 36 [V. I. Lenin. complete set of works: Vol. 36]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 165–208.
- Tatarkin, A. I. (2015). Politicheskaya ekonomiya kak nauchnaya osnova ekonomicheskoy politiki. Ekskurs po rabotam akademika L. I. Abalkina [Political economy as a scientific fundamentals of economic policy. Excursion to the works of the Academician L. I. Abalkin]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Journal of economic theory]*, 3, 7–23.
- Kryukov, V. A. (2015). Ekonomika poligonov?! [Is economy of the firing grounds?]. *EKO [ECO]*, 11, 2–5.
- Aganbegyan, A. G. (2015). Razmyshleniya o finansovom forsazhe. Po motivam knigi «Finansovyye strategii modernizatsii ekonomiki: mirovaya praktika» [Reflections on financial fast & furious. Based on the book «Financial strategy of economic modernization: world practice»]. *Dengi i kredit [Money and credit]*, 8, 5–10.
- Kuleshov, V., Alekseyev, A. & Yagolniiy, M. (2015). Dorozhnaya karta politiki reindustrializatsii: kognitivnyy instrumentariy [Road map of the policy of reindustrialization: cognitive tools]. *Ekonomist [Economist]*, 10, 51–63.
- Gubarov, S. S. (2015). Krizisnyye realii Rossii i ikh prelomlenie v otsenkakh pravitelstva [Crisis realities of Russia and their refraction in the government assessment]. *Ekonomist [Economist]*, 10, 3–49.
- Kireev, A. A. (2015). Problemy preobrazovaniya sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva: mezhdru ideologiy i naukoj [Problems of transformation of socio-economic space: between ideology and science]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial economy]*, 3, 16–33.
- Solovev, A. I. (2015). O podkhode Vsemirnogo ekonomicheskogo foruma k stroitelstvu natsionalnoy ustoychivosti [On the approach of the World Economic Forum to the national stability development]. *Effektivnoye antikrizisnoye upravlenie [Effective anti-crisis management]*, 4, 48–59.
- Borodin, A. & Shash, N. (2015). Disbalansy razvitiya i byudzhethnyye riski regionov [Imbalances of development and regional budgetary risks]. *Ekonomist [Economist]*, 10, 69–77.
- Kuznetsov, S. & Mezhevich, N. (2015). Regionalnaya politika gosudarstva: poisk nauchnykh osnov [Regional state policy: search of scientific bases]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of theory and practice of management]*, 8, 8–15.
- Dvas, G. V., Kuznetsov, S. V., Khodachek, A. M. & Khodko, S. T. (2015). Ob itogakh Peterburgskogo Mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma 2015 goda [On results of the St. Petersburg International Economic Forum of 2015]. *Ekonomika Severo-Zapada. Problemy i perspektivy razvitiya [Northwest economy. Problems and prospects of development.]*, 3, 120–127.
- Tatarkin, A. I. (2015). *Teoreticheskaya osnova instituta samorazvitiya sotsialno-ekonomicheskikh sistem [Theoretical basis of the institute of self-development of socio-economic systems]*. Urbi et orbi. In: R. S. Grinberg, A. Ya. Rubinshteyn (Ed); in 4 vol. St. Petersburg: Aletyya Publ., Vol. 4. Instituty sovremennoy ekonomiki [Institute of modern economy]. In: A. E. Gorodetsky (Ed.), 87–159. (Biblioteka Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Library of New Economic Association]).
- Zubarevich, N. V. (2015). Strategiya prostranstvennogo razvitiya posle krizisa. Ot bolshikh proektov k industrialnoy modernizatsii [Strategy of spatial development after crisis. From big projects to the industrial modernization]. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of new economic association]*, 2, 226–230.
- Ermak, S. (2015, November 30). *Zazhatyy nerv [The clamped nerve]*. Ekspert onlayn [Expert online], 49. Retrieved from: <http://expert.ru/ural/2015/49/zazhatyy-nerv/> (date of access: 19.01.2016).
- Gusev, A. & Yurevich, M. (2015). Regionalnyy protektsionizm v gosudarstvennykh zakupkakh [Regional protectionism in state procurements]. *Voprosy ekonomiki [Questions of economy]*, 10, 109–131.
- Krass, M. (2015). Model otsenki reformirovaniya ekonomiki Rossii [Valuation model for reforming the economy of Russia]. *Effektivnoye antikrizisnoye upravlenie [Effective anti-crisis management]*, 3, 62–71.
- Tatarkin, A. I. (2014). Innovatsionnyy vektor rossiyskoy ekonomiki: povedencheskaya gotovnost naseleniya [Innovative vector of the Russian economy: behavioural preparedness of the population]. *Shumpeterovskie chteniya. 4-aya*

mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Shumpeterovsky readings. 4th International Scientific and Practical Conference]. Perm: PGIU Publ., 2–28.

21. Kashin, V. A. (2015). O novoy modeli razvitiya dlya Rossii [On new development model for Russia]. *Mir peremen [World of changes]*, 3, 48–62.

22. Lazhentsev, V. N. (2015). Teoreticheskie itogi issledovaniy po tematike prostranstvennogo i territorialnogo razvitiya. S primerami po evropeyskomu Severu Rossii [Theoretical results of research on scope of spatial and territorial development. With examples on the European North of Russia]. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 4, 21–29.

23. Reforma gosudarstvennogo apparata ili smena mentaliteta [State reforms or the change of mentality]. *Effektivnoye antikrizisnoye upravlenie [Effective anti-crisis management]*, 3, 16–22.

24. Kuznetsov, A. V. & Kuznetsova, O. V. (Eds). (2015). *Regionalnaya politika. Zarubezhnyy opyt i rossiyskie realii [Regional policy. Foreign experience and Russian realities]*. Moscow: IMEMO RAN Publ., 137.

25. Koychuev, T. (2015). Nayti put ot nakopleniya problem k ikh resheniyu [To find a way from accumulation of problems to their solution]. *Obshchestvo i ekonomika [Society and economics]*, 7, 5–19.

26. Tambovtsev, V. L. (2015). Sotsialnaya politika. Nereshennaya zadacha nauchnogo obosnovaniya [Social policy. Unresolved problem of scientific rationale]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost [Social sciences and the present]*, 6, 5–13.

27. Delyagin, M. (2015). Rossiyskiy liberalizm: intellektualnyy paralich i ugroza razvitiyu. O statye premyer-ministra «Novaya realnost: Rossiya i globalnyye vyzovy». Posleslovie A. Melenteva [Russian liberalism: intellectual paralysis and threat to development. On the article of the prime minister «New reality: Russia and global challenges». Preface by A Melentyev]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian economic journal]*, 5, 63–78.

28. Ilin, V. A. (2015). *Effektivnost gosudarstvennogo upravleniya. Tochka zreniya glavnogo redaktora [Efficiency of public administration. Point of view of the editor-in-chief]*. Volgda: Institut sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya territoriy RAN Publ., 320.

Author

Alexander Ivanovich Tatarkin — Doctor of Economics, Professor, Member of RAS, Head of Institute, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: tatarkin_ai@mail.ru).